

ВИТАЛИЙ ПЛОТНИКОВ

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ

(О Николае Рубцове)

Слушаю Николая Рубцова. Мерно звучит ритм напевной интонации, растет напряжение в голосе и неожиданно смягчается нотками неизбывной тоски, невозвратности: *“Прошла пора, когда в зеленый луг я отворял узорное оконце – и все лучи, как сотни добрых рук, мне по утрам протягивали солнце...”*.

Мы стоим под навесом крылечка старого здания редакции котласской газеты “Двинская правда”. Почему вызвался он читать стихи? Не знаю. Возможно, потребность излить кому-то душу. Рядом оказался я – молодой, не испытанный жизнью.

В тот день конца 60-х я забежал в редакцию газеты обговорить содержание краеведческой странички. Валентина Красавцева – корреспондента, с которым была договоренность – не оказалось на месте. Кто-то из газетчиков заверил: должен вот-вот подойти. Вышел в коридор. У окна стоял небритый мужчина в темном потрепанном плаще. Он был хмур и озабочен, казался забредшим отогреться бродягой. Находиться рядом с ним не было желания. Я вышел на улицу. Закурил. Порывистый ветер сбивал с тополей листья, оголяя серые узловатые ветви. Небо было закрыто тяжелой тучей, моросил дождь.

Не прошло и минуты, как незнакомец спустился ко мне. Попросил закурить и в виде благодарности, похлопывая по карману, предложил выпить. Я отказался, но сигарету ему дал. Он закурил, достал бутылку красного вина и отхлебнул из горлышка. Лицо его быстро оттаяло, приобрело живые черты. Он с любопытством стал разглядывать меня. Почувствовав, видимо, мою настороженность, вытащил из кармана четвертинку бумаги и протянул мне. Я мельком взглянул. Это была путевка бюро пропаганды Вологодской писательской организации, выписанная на имя Рубцова. Фамилия мне ни о чем не говорила. В те годы “на слуху” были Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина. Из северных поэтов я знал стихи Александра Яшина, Сергея Викулова, Ольги Фокиной...

“Слушай!” – предложил незнакомец и тут же начал по памяти: *“А между прочим, осень на дворе... Ну что ж, я вижу это не впервые. Скулит собака в мокрой конуре, залечивая раны боевые”*. Первые строки я воспринял безучастно: какая-то собака, конура... Но вскоре стихи захватили меня. А он продолжал:

*Бегут машины, мчатся напрямик
И вдруг с ухаба шлепаются в лужу.
Когда, буксуя, воеет грузовик,
Мне этот вой выматывает душу...*

Казалось, все это написано буквально сегодня, в это утро, настолько реальная обстановка, окружавшая нас, соответствовала содержанию стихотворных строк:

*Кругом шумит холодная вода,
И все кругом расплывчато и мглисто,
Незримый ветер, словно в невода,
Со всех сторон затягивает листья...*

Закончив читать, взглянул на меня. Глаза его сияли: мол, что – утер нос?

От реки донесся тревожный и глухой бас теплохода, спешащего по последней воде в затон. Откликаясь на этот гудок, он тут же прочел “Осеннюю песню”. Я одобрительно отозвался о его стихах. И он уже по-свойски пожаловался, что ему в Котласе не организовали платные выступления, он оказался без денег, нечем заплатить за гостиницу. Я предложил ему три рубля – все, что тогда у меня было.

Стало зябко и неудобно. Он опять похлопал по карману, где покоилась початая бутылка, пригласил в гостиницу. Я отрицательно покачал головой и, сославшись, что меня ждут, поднялся в редакцию. Возвращаясь обратно, Рубцова уже не застал.

Широко заговорили о Николае Рубцове после его смерти. Появились массовые издания книг. Где-то в сельской глубинке мне удалось купить сборник его стихов. Я сразу узнал знакомые строки, звучавшие в тот осенний день. Было горько сознавать, что не смог тогда ему по-настоящему помочь.

Лет через десять произошла еще одна встреча, связанная с именем Рубцова.

В гостиничный номер, возбужденные и раскрасневшиеся от мороза ввалились двое мужчин. Познакомились. Газовики-инженеры: один из Ярославля, другой – из Приводина. Вернулись с ликвидации аварии на газопроводе. На трубе разошелся шов. Все обошлось благополучно – шов заварили, хотя была опасность взрыва.

“Русский характер – ничего не боимся, – первое, что сказал приводинец Чудинов, растирая оковеневшие руки: – Если не мы, то кто же?” – И, помедлив, добавил: – “Сила силу ломит”.

Когда было выпито “за удачу” по стопке водки и улеглись страсти вокруг аварии, тот же Чудинов, откинувшись на спинку дивана и смежив глаза, начал читать стихи. Оказалось, он знает их великое множество: Тютчев, Блок, Есенин, Пушкин... В конце импровизированного поэтического вечера он прочел несколько стихотворений Рубцова. Я похвастался своей случайной встречей с ним. И тут же был повержен неожиданным заявлением Чудинова: Николай Рубцов – его одноклассник по Никольской неполной средней школе. Учился Рубцов, по его словам, неважно. Поэтических способностей в школьные годы не выказывал. Был он небольшого роста, коренаст, ершист. До четвертого класса Чудинов часто дрался с ним. Этим и запомнился ему Коля Рубцов. И еще тем, что оба любили кататься “на валенках” с ледяной горки. Помолчав немного, Чудинов с болью в голосе прочитал одно из последних рубцовских стихотворений – “Я умру в крещенские морозы...”

Было жаль чудесного русского поэта, рано ушедшего из жизни. Притихшие, мы взглядывали друг на друга. Каждый думал о чем-то своем и не решался высказать затаенное. Я пытался вспомнить тембр голоса Николая Рубцова. И не мог. Наплывали картины, прочно осевшие в памяти: дождь... осенние листья... Рубцов в старомодном плаще... пугающие глубиной его глаза...

Комментарии автора:

1. Три рубля в конце 60-х – начале 70-х годов по стоимости были равны 20 буханкам черного хлеба.

2. Встреча с Рубцовым была краткой, точной даты я не запомнил. Возможно, это был август – сентябрь 1970 года. На это наталкивает тот факт, что в октябре в Архангельске проходил выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР, в работе которого участвовал Н. М. Рубцов. Можно предположить, что перед поездкой в Архангельск он участвовал в ряде встреч с читателями по путевке Вологодской писательской организации, чтобы заработать какие-то средства для своего пребывания в Архангельске.